

ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В БАЛТИЙСКО-СКАНДИНАВСКОМ РЕГИОНЕ

Прибалтика, северное и южное побережье Финского залива, территория будущей Финляндии и Карелия — все эти земли в начале XIII в. представляли собой сложный геополитический узел. Здесь сталкивались интересы Руси (и прежде всего Новгорода), Ордена, Швеции, находящейся на стадии зарождения государственности Литвы, а также других менее крупных народностей и племен.

Наиболее сильным врагом, экспансии которого пришлось противостоять Александру Невскому, был Орден. Его захваты в Восточной Прибалтике, а затем и нападение на Северо-Западную Русь были частью общего наступления на восток, организованного немецкими феодалами («Drang nach Osten»). К началу XIII в. жертвами этого перманентного похода стали многочисленные племена западных славян (сербы-лужичане, ободриты, лютичи, поморяне); двигаясь все далее и далее, немецкие рыцари пришли в соприкосновение с балтийскими и финно-угорскими племенами — пруссами, литовцами, латгалами, ливами, курами, эстами и др.

Еще во второй половине XII в. немцы часто посещали низовья Западной Двины для торговли; по имени проживавших в этой местности ливов вся территории до Эстонии стала именоваться ими Ливонией. Однако для того, чтобы прочно привязать эти земли, необходимо было использовать уже не раз опробованную стратегию: основывать здесь постоянные поселения и насаждать католичество. Роль Римской курии в этом движении была чрезвычайно велика, войне на берегах Балтики она придавала характер священной, настоящего крестового похода, целью которого объявлялась «благая» миссия — крещение язычников, а чуть позже и обращение в истинную веру «схизматиков», т. е. православных. В 1199 г.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации по теме «Государство, общество и церковь в средневековой Руси» (грант МК-1091.2010.6).

© Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов, 2011

папа Иннокентий III издал буллу с призывом к крестовому походу в Ливонию, и даже «приравнял его к пути в Иерусалим»¹.

В 1200 г. после ряда неудачных попыток обосноваться в устье Двины немецким рыцарям, наконец, удалось завоевать эти места, и через год, в 1201 г. ими здесь был основан город Рига. Для того чтобы иметь под рукой мощную военную силу, еще через год епископ Ливонский Альберт учредил Орден рыцарей-меченосцев, получивший устав тамплиеров. С 1207 г. меченосцы получили право на треть завоеванных земель², которые раздавались вассалам и духовенству, в 1210 г. Иннокентий III утвердил это соглашение³. В 1222 г. император Фридрих II признал за Орденом права на все земли, которые будут завоеваны вне Ливонии⁴. Во главе меченосцев стоял магистр, избираемый из числа членов Ордена, политическое значение этого монашеского объединения постоянно росло, и «в дальнейшем именно Орден меченосцев стал проводником немецких завоеваний в Прибалтике»⁵.

Основанные в Ливонии и других прибалтийских землях города, в том числе Рига, находились при этом на особом положении, они не подчинялись Ордену и старались оберегать от его посягательств свои вольности. Экономическая жизнь этих центров во многом зиждилась на торговле, в которой Русь, и прежде всего Новгород, имела достаточно важное значение⁶.

Разумеется, усиление немецкого влияния в сопредельном регионе не могло не настораживать русских князей, тем более, что Русь имела здесь традиционные интересы. С древнейших времен сюда, вниз по течению Двины, устремлялись потоки переселенцев из Полоцкой земли. На этой реке стояли два русских города: Герцике и Кукейнос, население которых было полиэтничным⁷. Проникновение к западу

¹ *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии* / пер. С. А. Аннинского. М.; Л., 1938. С. 66, 253, прим. 20.

² Там же. С. 66–70, 96–97.

³ Там же. С. 271–273, прим. 64.

⁴ *Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв.*: в 2 ч. Ч. I. М., 1953. С. 814.

⁵ *Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XIII–XV вв.* // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 311.

⁶ *Очерки истории СССР*. С. 781–782.

⁷ О Герцике и Кукейносе см. подробнее: *Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв.* М., 1966. С. 169–173.

от Чудского озера осуществлялось из новгородских пределов. Еще в 1030 г. Ярослав Мудрый основал на реке Эмбахе (Омовже) город, которому дал название по своему христианскому имени — Юрьев. Князья организовывали походы еще западней в XI и XII вв. Велась здесь и проповедь православия⁸, но она не носила характера цели, которая оправдывает любые средства. Недаром сами латиняне по этому поводу говорили почти с возмущением, что «русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег»⁹. Это ли не свидетельство мягкости проповеди русскими христианства в языческой среде!

В XIII в. немецкий натиск становился все более чувствительным. Постепенно из-под контроля полоцкой ветви Рюриковичей вышли Герцике и Кукеинос, позиции Руси в Прибалтике вообще постоянно ослабевали, немцы обратились теперь к закреплению экспансии к северу от Двины, где их ожидало соперничество с Новгородом¹⁰. Для того чтобы как-то ограничить подобные устремления католических захватчиков, с берегов Волхова организовывались довольно частые походы. Но при этом все они не имели сколько-нибудь четкой стратегической программы, а их результаты не закреплялись строительством опорных пунктов. Летопись сообщает о нескольких таких кампаниях: 1209, 1210, 1212, 1217, 1222 гг.¹¹

В 1219 г. в Эстонию вторглись подданные датского короля, давно присматривающегося к этому региону. В результате на захваченных землях ими был основан город Ревель. Появление датчан еще более усложнило ситуацию для Руси, а возникновение нового города приводило к тому, что во время любого похода во фланге у русского войска теперь находился мощный укрепленный пункт врага. Тем не менее русская мощь могла стать единственным надежным барьером на пути непрекращающегося натиска католического Запада на Восток. При этом необходимо подчеркнуть, что между Орденом,

⁸ Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами... С. 304–308.

⁹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. С. 140.

¹⁰ Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами... С. 315–316.

¹¹ Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 52–53, 57, 60–61 (НПЛ).

датчанами и немецкими городами существовали достаточно серьезные противоречия, обусловленные борьбой за политическое доминирование как во вновь завоеванных землях, так и на территориях, подчинение которых оставалось делом будущего.

В начале 20-х годов XIII в. Прибалтику охватило восстание против завоевателей. Начало ему было положено на о. Саарема, где туземное население перебило датчан. Оттуда были отправлены эмиссары в Эстонию, которая скоро тоже оказалась охваченной выступлением, направленным против западных пришельцев. При этом эстонцы прибегли к помощи русских. Немцы стремились подавить восстание, проявляя крайнюю жестокость по отношению к союзникам эстонцев. Вот как описана в «Хронике Ливонии» расправа над русскими воинами, защищавшими замок Вилиенде: «Что касается русских, бывших в замке, пришедших на помощь вероотступникам, то их после взятия замка всех повесили перед замком на страх другим русским»¹².

Но восстание продолжалось. Эстонцы завязали переговоры с Владимирским великим князем Юрием Всеволодовичем: «Между тем старейшины из Саккалы (область в Эстонии. — Ю. К., Р. С.) посланы были в Россию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян. И послал король суздальский (Susdalia) своего брата (Ярослава, отца Александра Невского. — Ю. К., Р. С.), а с ним много войска в помощь новгородцам; и шли с ним новгородцы и король псковский (Plescekowe) со своими горожанами, а было всего в войске около двадцати тысяч человек»¹³. Правда, это предприятие имело ограниченный успех, но в результате рейда врагу был нанесен немалый урон. Новгородская летопись сообщает по этому поводу: «Приде князь Ярослав от брата, и иде со всею областью к Колываню (Ревель. — Ю. К., Р. С.) и повоеваша всю землю Чюдскую, а полона приведе бесчисла, но города не взяша, злата много взяша, и придоша вси здрави»¹⁴. Во время этого похода Ярослав подходил и к находившемуся в руках восставших Дерпту (Юрьеву): «...И прислали им жители Дорпата большие дары, передали в руки короля (Ярослава. — Ю. К., Р. С.) братьев-рыцарей, и тевтонов, которых держали в плену, коней, баллисты и многое другое, прося помощи против

¹² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. С. 219.

¹³ Там же. С. 219.

¹⁴ НПЛ. С. 61.

латинян. И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Унгавнии (Уганди — племенная область на юго-востоке Эстонии. — Ю. К., Р. С.) и во всей Эстонии»¹⁵.

В тот же год новгородцы отправили в Дерпт князя Вячко, «некогда перебившего людей епископа рижского в Кукенойсе, дали ему денег и двести человек с собой»¹⁶. Немцы к тому времени уже предпринимали попытку захватить этот город, и главная задача, стоявшая теперь, заключалась в том, чтобы удержать его. Рыцари же не оставляли планов нейтрализовать Вячко, стремившегося распространить свое влияние на окрестные земли. Дерпт стал для них настоящей занозой: «И собрались в тот замок к королю (Вячко. — Ю. К., Р. С.), — сказано в «Хронике Ливонии», — все злодеи из соседних областей и Саккалы, изменники, братоубийцы, убийцы братьев-рыцарей и купцов, зачинщики злых замыслов против церкви ливонской. Главой и господином их был тот же король, так как и сам он давно был корнем всякого зла в Ливонии...»¹⁷.

Для решения этой «проблемы» и устранения возникавших противоречий был заключен новый договор между завоевателями, согласно которому раздел территорий должен был осуществляться по следующему принципу: треть — Рижскому епископу, треть — Эстонскому и треть — Ордену¹⁸. Достигнув соглашения, рыцари организовали полномасштабный поход на Дерпт. Вячко и сопровождавшим его русским предлагался свободный выход, но они, рассчитывая на помощь Новгорода и не желая оставлять товарищей, отказались. Осада шла по всем правилам, и в итоге город был повержен, а русские, «оборонявшиеся дольше всего», погибли в бою, лишь один боярин Ярослава Всеволодовича был снабжен всем необходимым для дальнего пути и отпущен на волю, для того чтобы рассказать о произошедшем. Русское войско меж тем уже находилось во Пскове, но с падением Дерпта поход в Эстонию терял смысл. В том же 1224 г. Новгород заключил мир с Ригой¹⁹. Вскоре

¹⁵ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. С. 220.

¹⁶ Там же. С. 221.

¹⁷ Там же. С. 224.

¹⁸ Очерки истории СССР. С. 816.

¹⁹ Об осаде Юрьева (Дерпта) см. подробнее: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. С. 225–228. — «Того же лета (1224. — Ю. К., Р. С.) убиша князя Вячка Немьци въ Гюргеве, а городъ взяша» (НПЛ. С. 61).

при участии папского легата Вильгельма был организован крупный карательный поход на о. Саарема²⁰.

Потеря Юрьева (Дерпта) стала крупным поражением, которое носило даже не столько военный, сколько геостратегический характер. Русь утратила тем самым «единственный оплот к западу от Чудского озера», немцы вплотную подошли к рубежам Новгорода и Пскова, а завоевание ими Прибалтики можно было считать фактически законченным. В 1234 г. сюда из Оденпе (Медвежья Голова русских летописей, современный город Отепя) будет перенесен центр Эстонской католической епархии²¹.

Еще одним фактором силы в этом регионе стала литва, не желавшая подчиниться немцам и часто беспокоившая их своими набегами. Иногда прибалтийские племена, и в том числе, разумеется, литовцы, не брезговали набегами и на русские территории. Во второй половине XII — первой половине XIII в. жизнь и быт литвы, судя по сообщениям источников, были еще очень архаичны. Литовцы состояли из двух этнографических групп — жемайте (жмудь) (нижняя Литва) и аукштайте (верхняя Литва). Они занимались земледелием, скотоводством, промыслами, были прекрасными воинами. Знание родных лесов помогало им одерживать победы над немецкими рыцарями, но аморфность политической организации не позволяла до времени заявить о себе в полную мощь. Уже с 80-х годов XII в. летописи отмечают усиление географии и количества набегов литовцев на новгородские пределы, русские же князья не находили сил для ответных экспедиций в Литву²².

В 1226 г. Ярослав Всеволодович в очередной раз получил Новгородское княжение. Как раз в тот момент резко усилилась опасность со стороны литвы, вторжения которой на западные земли Руси в тот период стали особенно дерзкими: «Бе бо рать велика бысть, акы же не была от начала миру». Разорены были окрестности Смоленска, Торопца и самого Новгорода. Потому Ярослав сразу по прибытии должен был заняться военными делами. Он немедленно обратился против литовцев. К нему примкнули торопецкие полки и псковичи.

²⁰ Очерки истории СССР. С. 818.

²¹ Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами... С. 323.

²² Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 367.

Русским удалось добиться большого успеха: в феврале 1226 г.²³ неожиданно сильным ударом рать врагов была разбита, около двух тысяч литовцев, явно не ожидавших жесткого отпора, погибли в бою, кроме того, был отбит весь захваченный ими полон. Имелись потери и в войске Ярослава: среди прочих были убиты Давыд Мстиславич Торопецкий и верный оруженосец князя Василий²⁴.

Примечательно, что победу удалось одержать без участия новгородцев, их отряд не дошел до места сражения: видимо, не особенно рассчитывая на военное счастье, он повернул в районе Русы обратно к Новгороду, уклонившись, таким образом, от решительной схватки.

Ярослав вообще в тот период решил резко активизировать политику на западном направлении: через год после описанных событий он совершил удачный поход против племени емь, а еще чуть позже задумал крупномасштабное вторжение в Эстонию, целью которого должна была стать Рига. Это могло бы быть настоящим реваншем за потерю Юрьева (Дерпта).

В тот период обострились отношения Новгорода с его «младшим братом» — Псковом. В 1228 г. Ярослава и сопровождавших его новгородцев псковичи отказались впустить в город, среди них распространился слух, будто князь везет с собой оковы и готов заточить многих неугодных ему людей. Ярослав был оскорблен, он требовал наказать гордый «пригород», но новгородцы не желали воевать против своего «младшего брата», портить отношения с которым в их планы, вероятно, не входило. Тогда князь решил действовать своими силами и привести полки из Переяславля. В результате, в Новгороде оказались войска «с Низу», из Суздальской земли. Целью похода объявлена была Рига, впрочем, не исключено, что князь все же не оставлял планов поквитаться со Псковом. В результате псковичи почли за благо перестраховаться и заключили мирный договор с Ригой, «Новгородъ выложивъше»²⁵.

Согласно его положениям, новые союзники даже обещали помочь

²³ ПСРЛ. Т. I.: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 448 под 6733 (1225) г. — «Бысть же тогда день недели сыропустная, егда победи Ярославъ Литву», т. е. это было уже после Нового года, значит, в 1226 г. Пасха была в 1226 г. 19 апреля (Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. С. 60–61, табл. XV (окончание)), значит, битва была в феврале.

²⁴ НПЛ. С. 64, 269; ПСРЛ. Т. I. Стб. 448.

²⁵ НПЛ. С. 65–66, 271.

Пскову в случае войны с Ярославом, а для спокойствия рижан псковичи передали им сорок заложников из среды своих знатных людей, что было обычной практикой немцев по отношению к подчиненным племенам. Убеждения князя одуматься и выступить с ним «на путь» не произвели никакого действия, более того, псковичи передали Всеволодовичу через посла-«гречина» многочисленные претензии.

Все это еще более убедило новгородцев в том, что князь хотел воевать именно со Псковом. Они наотрез отказались участвовать в походе на Ригу, заявив, что «мы без своей братаи плесковиць не имаемся ити на Ригу; а тебе, княже, кланяемся», и никакие доводы Ярослава не могли их переубедить: «Много же князь нуди, и не яшася по пути». Все было бесполезно. Без поддержки Новгорода затевать войну с Ригой и Псковом не имело никакого смысла, к тому же дополнительные трудности создал начавшийся голод. Оставалось только вернуть войско обратно в Переяславль²⁶; запланированный поход, таким образом, сорвался.

На Руси имелись силы, заинтересованные в уступках немцам, в достижении соглашения с ними даже на крайне невыгодных условиях. В Пскове же эти силы были значительными²⁷. Псковичи заключили договор с Ригой, сорвав тем самым крупномасштабный поход Ярослава Всеволодовича. Но этим дело не ограничилось. Еще задолго до событий 1228 г., в 1213 г., из Пскова был изгнан позволивший себе слишком большое сближение с немцами князь Владимир Мстиславич (родной брат Мстислава Удалого), его виной было то, что он выдал замуж собственную дочь за брата Рижского епископа. Владимир ушел в Ригу, где встретил самый радушный прием²⁸.

²⁶ Там же. С. 66, 271–272.

²⁷ Едва ли может быть принято утверждение, согласно которому «для Пскова Новгород в то время (в начале 40-х годов XIII в. — Ю. К., Р. С.) являлся большим врагом, чем Ливонский орден...» (Валеров А. В. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV вв. СПб., 2004. С. 168 и др.). Как недопустимая модернизация выглядит попытка «рассматривать» захват Изборска в 1233 г. и Пскова в 1240 г. «в качестве временного ввода ограниченного контингента орденских войск в пределы Псковского княжества, произведенного по просьбе законного правителя Пскова, князя Ярослава Владимировича» (Белецкий С. В., Сатырева Д. Н. Псков и Орден в первой трети XIII в. // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 84).

²⁸ НПЛ. С. 52, 250.

Здесь он выступал посредником в переговорах епископа Альберта с князем Полоцка, а затем получил статус фогта и осуществлял суд. Однако после он вернулся обратно на Русь и стал врагом Ордена, организовывая вторжения в подвластные тому земли²⁹. Продолжал политику Владимира его сын Ярослав, также неоднократно переходивший на сторону немцев. Поводом для этого служила его убежденность в том, что власть над Псковом ему принадлежит по праву наследства.

В 1233 г. он оказался в центре авантюры, связанной с попыткой смещения Ярослава Всеволодовича и его сыновей — Федора и Александра с новгородского стола. Этим событиям предшествовал конфликт Ярослава с Михаилом Черниговским. Странники последнего уходили с берегов Волхова в его княжество и добивались организации военной экспедиции к новгородским пределам. Когда их планы провалились, противники Ярослава («Борисова чадь») стали уповать на помощь Пскова и были с радостью там приняты. Отцу Александра и Федора пришлось срочно возвращаться из Переяславля, для того чтобы договориться со псковичами. На город была наложена блокада. В результате Псков вынужден был пойти на заключение мира, а новгородские изгнанники ушли еще дальше, в немецкий Оденпе.

Через год прежние сторонники черниговской княжеской ветви, не желавшие окончательно смириться с уходом из Новгорода и потерей влияния на его политику, предприняли еще одну попытку закрепитесь на Руси. На сей раз с помощью немецкого отряда в сопровождении Ярослава Владимировича они сумели захватить псковский пригород Изборск.

Однако такая акция носила характер авантюры. На этот раз даже не понадобилось вмешательства Новгорода или Ярослава Всеволодовича. Псковичи, не дожидаясь помощи с Волхова, выступили в поход собственными силами. Изборск был освобожден, а немцы и изменники-новгородцы спасались бегством, гибли или попадали в плен. При этом тех, кто был взят живым, отправили к Ярославу Всеволодовичу. Князь приказал заковать их в оковы и отправить в Переяславль. Среди прочих пленников

²⁹ Там же. С. 57, 257–258; Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. С. 139, 141, 148–151, 169–173, 178–180.

оказался и Ярослав Владимирович. Но из заключения ему все же удалось выбраться. По-видимому, накопившаяся злоба и заставила его в критическом для Руси 1240 г. совершить предательство и стать союзником немцев, оказав им помощь в овладении Изборском и Псковом³⁰. Есть данные, позволяющие предположить, что он принял католичество. Хотя в последующие годы, уже после поражения рыцарей на льду Чудского озера, он вернулся на Русь, и даже сумел наладить отношения с Александром, получив в управление Торжок³¹.

Уже через год после описанных выше событий, в 1234 г., Ярослав Всеволодович «съ новгородци и съ всею областью и съ полкы своими» организовал новый поход, в котором, конечно, принял участие и его сын Александр. Разумеется, княжич едва ли непосредственно участвовал в схватке, но зато он мог на практике закрепить полученные знания в военном деле³². Именно тогда он впервые увидел закованных в латы рыцарей, впервые ему и его боевым товарищам угрожали они внезапным нападением, впервые перед ним развернулись жаркие схватки не на жизнь, а на смерть.

Поводом для этой экспедиции стал набег немцев на Тесово, а ее целью — окрестности потерянного за десять лет до того Юрьева. Кампания оказалась успешной: немцы потерпели поражение на реке Эмбах (Омовже). М. Н. Тихомиров называл то сражение «маленьким прообразом Ледового побоища»³³, так как сеча происходила на льду, и многие немцы погибли в речных водах: «И ту обломишася истопе ихъ много, а ини язвни въбегоша въ Гюргевъ, а друзии в Медвежую голову». Летопись утверждает, что потерь среди новгородцев не было вовсе, лишь суздальцов «неколико паде». После окончания

³⁰ НПЛ. С. 70–72, 277–282; 77, 294.

³¹ См.: Там же. С. 79, 304. О Ярославе Владимировиче и его отце см.: *Бегунов Ю. К., Клейнберг И. Э., Шаскольский И. П.* Письменные источники о Ледовом побоище. Старшая Ливонская рифмованная хроника. Комментарий. О князе Герпольте // Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966. С. 219–224.

³² *Андреев В. Ф.* Александр Невский и Новгород // Средневековая и новая Россия: сб. науч. статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 247; *Соколов Ю. Ф.* Александр Невский: формирование личности и традиции // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 40.

³³ *Тихомиров М. Н.* Борьба русского народа с немецкими интервентами... С. 326.

кампании Ярослав заключил мир «на всеи правде своеи»³⁴. Не исключено и то, что Александр был привлечен к ведению переговоров: это дало Ярославичу ценный дипломатический опыт.

Достижению соглашения способствовали не только победы русского оружия, но и то, что все более отчетливой становилась угроза со стороны литвы: ее набеги постоянно тревожили Новгородскую землю, она же была и соперником немцев. Один из таких набегов — на Русу — был совершен сразу после окончания похода под Дерпт.

Получив тревожную весть, Ярослав не медлил ни минуты. Им был объявлен сбор ополчения, воины седлали коней, пешие размещались в насадах. Наиболее удобный путь из Новгорода в Русу пролегал по воде от Волхова через Ильмень и Ловать. Конница шла сухим путем. Литва к тому моменту уже отступила в Торопецкие земли, пришлось новгородской пехоте возвратиться назад из-за недостатка провианта. Ярослав продолжил поход с одними лишь всадниками. Литовцев все же удалось настигнуть. Враги не ожидали столь скорого отпора, они спасались бегством в леса, бросив оружие, три сотни коней, а также оставив победителям награбленный «товар». Новгородцы преследовали их, также неся потери. Но как бы то ни было, Ярослав одержал победу, сумев отразить вторжение³⁵.

В том походе вполне мог участвовать Александр. Княжич возмужал, и лишний урок в воинской науке должен был пойти ему только на пользу. К тому же Ярослав, думая о будущем, несомненно, желал, чтобы новгородцы связывали свои победы хоть в какой-то мере с именем его старшего сына.

В 1236 г. Ярослав Всеволодович ушел в Киев, Александр остался в Новгороде уже в качестве самостоятельного князя³⁶, приняв на себя ответственность, среди прочего, за ряд нерешенных внешнеполитических задач, связанных с противостоянием на западных рубежах. Ярославич пытался лавировать между своими противниками — литвой и немцами. Около 1236 г. в Новгород прибыл Андреас фон Вельвен³⁷ (тот самый, что в 1242 г., будучи вице-магистром

³⁴ НПЛ. С. 73, 283.

³⁵ Там же. С. 73, 283–284.

³⁶ Там же. С. 74, 285; ПСРЛ. Т. I. Стб. 513.

³⁷ См.: Кучкин В. А. 1) Трудные годы Александра Невского // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Па-

Ордена, поведет в бой рыцарей на льду Чудского озера³⁸). Его целью был поиск союзников для планировавшегося похода против литвы. Александр предпочел занять выжидательную позицию, и в помощи рыцарям отказал, хотя и не препятствовал сделать это Пскову, выставившему двести воинов³⁹. Поход действительно состоялся и закончился полным разгромом рыцарей при Шауляе, из псковичей в родной город вернулся лишь каждый десятый⁴⁰.

Катастрофа 1236 г. заставила меченосцев задуматься о поиске путей для выхода из кризиса. Уже задолго до этого, по крайней мере, с 1231 г. они вели переговоры об объединении с Тевтонским орденом. Сложившаяся ситуация заставила ускорить этот процесс, и уже в 1237 г. соглашение было достигнуто⁴¹.

Тевтонский орден к тому времени имел уже богатую историю. Основан он был в Палестине в XII в., затем приобретал собственность по всей Европе, пытался обосноваться в Трансильвании, куда был приглашен в 1211 г. королем Венгрии Андреем для борьбы с половцами; однако, когда стали ясны властные притязания орденских братьев, он был оттуда решительно выдворен. Еще одна «остановка» Ордена — Пруссия. Оказаться здесь рыцарям помог польский герцог Конрад Мазовецкий, предоставивший им в 20-е годы XIII столетия в собственность Кульмскую землю с условием борьбы против языческого племени пруссов, очень беспокоившего соседей своими набегами. Тогдашний тевтонский магистр Герман фон Зальца добился детального закрепления условий, на которых рыцари получали эти территории. Разумеется, условия эти были самыми выгодными⁴². Борьба же с пруссами закончилась в итоге их полным уничто-

шито. Москва, 18–22 апреля 1994 г. Тезисы докл. М., 1994. С. 56; 2) Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 22; 3) Борьба Александра Невского против Тевтонского ордена // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 134.

³⁸ *Бегунов Ю. К., Клейнберг И. Э., Шаскольский И. П.* Письменные источники о Ледовом побоище. С. 224–225.

³⁹ *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. С. 23.

⁴⁰ НПЛ. С. 74, 285 (под 6745 г.).

⁴¹ *Чешихин Е. В.* История Ливонии с древнейших времен: в 2 т. Т. I. Рига, 1885. С. 252, 277–279, 282–284.

⁴² Там же. С. 261–268.

жением и совершенным онемечиванием их земли. Теперь на очереди стояла Ливония, где тевтонцам предстояло упрочить немецкое присутствие.

По условиям объединения, братья-меченосцы вливались в Тевтонский орден, который становился их полным правопреемником. В 1238 г. при участии папского легата Вильгельма были урегулированы спорные моменты с датским королем Вальдемаром II (соглашение в Стенби), там же, вероятно, были проведены консультации относительно координации дальнейших действий против Руси⁴³. И теперь ничто не мешало возобновить начатое наступление на территории непокорных народов.

Этому благоприятствовало серьезное ослабление Руси, которую к тому же все более и более тревожила усилившаяся после победы при Шауляе литва. В 1239 г. под ее ударом пал Смоленск, освобожденный, впрочем, уже в том же году Ярославом Всеволодовичем, который, «оурядивъ» смолян (заключив с ними договор), добился посажения на столе князя Всеволода⁴⁴. Несмотря на это, угроза новых вторжений со стороны литвы по-прежнему оставалась достаточно большой. Потому представляются весьма своевременными меры для обеспечения обороны западных рубежей Новгородской земли: «того же лета князь Александръ с новгородци сруби городци по Шелоне»⁴⁵. В связи с этим исследователи традиционно рассматривают и брак Ярославича, заключенный в том же 1239 г. с дочерью Полоцкого князя Брючислава. Семейный союз должен был одновременно обозначить и союз политический с этим крайне западным русским княжеством⁴⁶.

Вскоре с новой остротой обнаружилась угроза со стороны католического Запада. На сей раз речь шла о скоординированных ударах со стороны оправившихся после поражения 1236 г. немецких рыцарей и Швеции — врагов, желавших воспользоваться ослаблением Руси после нашествия монголо-татар. Одержанная Александром на

⁴³ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 154 и др.; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. С. 125–130 и др.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

⁴⁵ НПЛ. С. 77, 289.

⁴⁶ См., напр.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 376.

льду Чудского озера победа и заключенный после нее мир⁴⁷ перечеркнули планы противника по развитию захватов на Востоке за счет исконных земель Новгорода и Пскова. И хотя «борьба с немцами продолжалась и позже, но немцы никогда не могли уже нанести сколько-нибудь существенного вреда русским землям, а Псков оставался грозной твердыней, о которую разбивались все последующие нападения немцев»⁴⁸. Немцы при жизни Александра Ярославича еще совершали новые походы в окрестности того же Пскова, например, в 1253 г.⁴⁹, но то уже был не более чем обычный набег с целью поживиться за счет соседей, без серьезных претензий на территориальные аннексии.

Столкновения же с литвой до кончины Александра Невского также случались еще не однажды, но война с ней, хотя и кровопролитная, не угрожала в случае неудачного исхода той или иной битвы поставить крест на новгородской государственности. Литовцев на этом направлении в ту пору интересовал в большей степени обычный грабеж. Потому и накал этой борьбы был все же меньшим, чем с немцами. Например, в 1245 г. литва захватила в окрестностях Торжка коней и людской полон. Для того чтобы наказать агрессора и освободить пленных, потребовалось вмешательство Александра, сумевшего нанести поражение противнику в трех сражениях под Торпоцом, Жижицем и у Усвята, при этом князь «не упусти их ни мужа». Кстати, в тех столкновениях участвовал и бывший союзник немцев Ярослав Владимирович, получивший теперь в управление Торжок⁵⁰.

В то же время литовские владетели, используя общее ослабление Руси после монголо-татарского нашествия, стремились укрепиться в Полоцкой и Смоленской земле, и если в последнем случае успех, как мы видели, не сопутствовал им, то в Полоцке сумел вокняжиться

⁴⁷ «Того же лета Немци прислаша с поклономъ: „безъ князя что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу мечемъ, того ся всего отступаемъ; а что есмы изъимали мужии вашихъ, а теми ся розменимъ: мы ваши пустимъ, а вы наши пустите“, и таль пльсковскую пустиша и умиришася» (НПЛ. С. 79).

⁴⁸ Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами... С. 337.

⁴⁹ НПЛ. С. 80, 307.

⁵⁰ Там же. С. 79, 304 (под 6754 г.).

литовский князь Товтивилл, которого летопись упоминает здесь под 1262 г.⁵¹

В 1253 г., когда в Новгороде уже находился сын Александра Невского Василий, литовцы вновь напали на «волость Новгородскую» и опять сумели захватить полон. Василий с новгородцами настиг врагов у Торопца и вновь нанес им поражение. В 1258 г. успех уже в большей степени сопутствовал литве, сумевшей безнаказанно разорить окрестности Торжка. Весьма вероятно, что к последнему нападению был причастен Товтивил, княживший в Полоцке⁵².

Александр понимал, что нападения литовцев таят в себе меньшую угрозу, нежели ожидающий своего часа Орден. В свою очередь, литовские князья также понимали, что для них наибольшую опасность представляет немецкая экспансия. Это стало основным побудительным мотивом для заключения первого крупного союза между Русью и Литвой⁵³. Важной предпосылкой для этого стало усиление власти Миндовга, сумевшего сплотить вокруг себя мелких властителей. Этот литовский князь был приверженцем традиционной для его народа языческой религии, но в случае необходимости был готов и поменять веру. Он принял католичество и королевский венец, но как только в этом отпала надобность, забыл о собственном крещении, и направил оружие против немцев. Именно так произошло после серьезного поражения рыцарей при оз. Дурбе в 1260 г.

Миндовг перебил всех оказавшихся в зоне его досягаемости людей Ордена и отправил посольство к Александру с предложением союза. На это был получен положительный ответ, как сообщает «Рифмованная хроника», литве обещана была «большая помощь», и «это известие обрадовало короля»⁵⁴. Решено было организовать согласованные военные действия, результатом которых могло стать «изгнание из Ливонии всех пришельцев». Для этого было необходимо, чтобы союзники «сумели придать своим действиям хоть какое бы то ни было единство и связь», но полного взаимодействия,

⁵¹ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 375–378, 381; Алексеев Л. В. Полоцкая земля... С. 288.

⁵² Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 381; НПЛ. С. 80, 307; 82, 310.

⁵³ Совместные локальные выступления Руси и литвы имели место и ранее. См.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 373–374.

⁵⁴ Цит. по: Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами... С. 338.

к сожалению, добиться не удалось. Русское войско опоздало к назначенной встрече для совместной осады Вендена, и в результате Миндовг удалился восвояси, так и не предприняв активных боевых действий⁵⁵. Зато очень удачным оказался поход русской рати под стены Юрьева, осуществленный в 1262 г. В нем принимали участие сын Александра Невского Дмитрий, его брат Ярослав, зять Константин, каждый «съ своими мужи», правивший в Полоцке литовский князь Товтивил, возглавлявший полочан, и литовское соединение в 500 человек, а также «новгородского [войска] беицисла, толко Богъ вестъ». Укрепленный тремя стенами Юрьев был подвергнут осаде и взят, неприступной осталась только центральная цитадель, но укрыться в ней из-за внезапности нападения смогли далеко не все. Трофеи оказались очень богатыми. Хотя, несмотря на эту победу, закрепить успех возможности не было, во всяком случае, летопись даже не упоминает о попытке вернуть этот город под власть Руси⁵⁶, а «Рифмованная хроника» сообщает, что отступление вообще носило поспешный характер: «Магистр объявил сбор войска во всех своих землях и <...> поспешил в Дарбетен, но уже было поздно: русские находились в своей земле. Магистр горевал, что русское войско ускользнуло от него»⁵⁷.

И все же эта победа еще раз показала способность Руси не только отражать нападения с помощью обороны, но и наносить агрессорам серьезные удары наступательного характера, а магистр Ордена, по меткому замечанию Е. В. Чешихина, скорее «не только не горевал, но радовался» тому, что литва и Русь не сумели должным образом скоординировать свои действия и вообще были более заняты другими проблемами — Миндовг внутривополитическими делами, а Александр Невский урегулированием отношений с Ордой⁵⁸. А уже через год — в 1263 г. — смерть постигла обоих врагов Ордена: Александр умер на обратном пути из ставки хана, Миндовг же погиб в результате заговора, сплетенного его сродниками Довмонтом и Тройнатом⁵⁹.

⁵⁵ Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Т. II. Рига, 1885. С. 80.

⁵⁶ НПЛ. С. 83, 311–312.

⁵⁷ Цит. по: Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Т. II. С. 81.

⁵⁸ Там же. С. 81, 82.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 860.

Заслуживает внимания еще одно направление политики Александра Невского на Балтике — торговые отношения с европейскими городами и с Готландом, в силу своего выгодного географического положения длительное время занимавшие лидирующие позиции в хозяйственной жизни этого региона.

Еще на рубеже XI–XII в. в Новгороде был основан особый Готский двор, на котором останавливались и вели торговые операции купцы с Готланда. Имелся здесь и католический храм св. Олафа. Позже, на исходе XII столетия, для гостей «из Заморья» был выстроен еще один двор — Немецкий⁶⁰, с церковью св. Петра. Это стало отражением постепенного установления контроля над торговыми путями, в том числе и над Готландом, северо-германскими городами (прежде всего Любеком). Для регламентации внутренней жизни на Немецком дворе составлен был специальный свод правил — «скра», соблюдение требований которой было обязательным для всех прибывающих на берега Волхова. Среди ее норм были правила организации службы по охране имущества купцов, меры пожарной безопасности, правила общежития и т. д.

Новгородцы очень дорожили возможностью получать экспортные товары из первых рук, они старались закрепить свое монопольное положение, не позволяя иностранцам продавать что-либо выходцам из других русских земель. Сами они также посещали заморские порты для торга своим товаром. Иногда между сторонами случались конфликты. После их разрешения заключались договоры, в которых указывались взаимные обязательства. Первое дошедшее до нас соглашение относится к 1191–1192 гг.⁶¹

Второй договор составлен от имени Александра Невского, его сына Дмитрия, посадника Михаила и тысяцкого Жирослава. Но при этом он скреплен двумя комплектами печатей, не соответствующими перечню названных лиц. Это буллы Ярослава Ярославича, всего Новгорода и архиепископа Далмата⁶².

⁶⁰ Рыбина Е. А. 1) Новгород и Ганза. М., 2009. С. 35–40, 46–54; 2) О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Вып. 3. С. 43–50.

⁶¹ Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. С. 45–46.

⁶² Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

В настоящее время исследователи склоняются к мысли о том, что несоответствие это вызвано следующими обстоятельствами. Соглашение, составленное еще при жизни Александра (вероятно, в 1259 г. — именно в тот момент в Новгороде были одновременно и он, и его сын Дмитрий⁶³), ратифицировано было не ранее 1265 г., когда началось княжение Ярослава на берегах Волхова. К тому времени перемены произошли не только на княжеском столе, сменились также и посадник с тысяцким. Потому для подтверждения легитимности достигнутых договоренностей и потребовалось его утверждение перечисленными выше печатями⁶⁴.

В договоре уточнялись правила ведения торговли, предоставление провозных для прибывающих купцов, размер пошлины, условия урегулирования какого-то конфликта, в котором был повинен некий Ратша, географические зоны ответственности Новгорода за прибывающих заморских «гостей».

Таким образом, Александр Невский не считал мирные отношения с Западными странами чем-то невозможным или тем паче предосудительным. Он был готов к взаимовыгодному сотрудничеству, к укреплению издавна существовавших хозяйственных связей. Договор с Готландом, в выработке которого участвовал также немецкий посол и посол из Любека, — этому подтверждение. Однако, к сожалению, сам Запад, подстрекаемый Римской курией к захватам на Востоке, в тот период был в большей степени предрасположен не торговать с Русью, а воевать с ней.

С середины XII в. основной ареной противоборства Новгорода и Швеции становится территория Озерного края, на которой

⁶³ Хорошкевич А. Л. К датировке новгородско-немецко-готландского договора середины XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 1977 г.: Материалы конф. М., 1997. С. 85.

⁶⁴ Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. С. 58–60. А. Л. Хорошкевич датирует 1270 г. дошедшую до нас копию договора Александра Невского с Готландом, и связывает ее происхождение с жалобой Риги Менгу-Тимуру, в ответ на которую хан предоставил купцам «путь чист» (Хорошкевич А. Л. 1) К датировке...; 2) О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII — середины XIII в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6).

в густых и малопроходимых местах проживали немногочисленные финские племена сумь и емь. Племенные поселения суми («суоми») в основном были разбросаны по юго-западному побережью Финляндии, выходящему к Ботническому заливу. Долгое время сумь сохраняла свою самостоятельность, и лишь с конца 50-х годов XII в. стала объектом нападений и завоеваний шведов⁶⁵. Емь (другая русская форма — ямь, по-шведски — тавасты) занимала обширные области центральной Финляндии. Ей приходилось в ту пору выплачивать дань Новгороду, распространившему свои «владения» до Белого моря на севере и до «Камня» — Уральских гор — на востоке. «Налог» отдавали отнюдь не добровольно. Вот и приходилось новгородцам раз за разом снаряжать свои отряды и посылать их за добычей такого нужного товара, как пушнина. Начало было положено в 1042 г., когда сын Ярослава Мудрого Владимир отправился в поход «на ямь и победи я». При этом войско не избежало потерь: с боевыми конями случился мор и приходилось убивать еще живых лошадей⁶⁶. Порой во главе отрядов вставали не представители рода Рюриковичей, а просто лихие «молодцы», вроде персонально отмеченного летописью Вышаты Васильевича, совершившего в 1186 г. рейд в подконтрольные еми земли: новгородцы вернулись «сторови, добывъвше полона»⁶⁷.

Приход новгородцев зачастую вызывал сопротивление. И тогда «воеваша землю и пожгоша и скот исекоша», и даже «полон приведе бещисла» (взяли много пленных). Не оставалась в долгу и емь, отвечая набегами на русские земли Приладожья и берегов Финского залива. После себя новгородцы не оставляли ни гарнизонов, ни каких-либо населенных опорных пунктов. Не предпринимались и попытки внедрять среди язычников еми новую, христианскую, веру (к слову сказать, только начинавшую приживаться и на самой Руси).

Все это резко контрастировало с политикой, проводимой шведами в юго-западных землях у суми. Здесь осуществлялось заселение территории шведскими крестьянами, совершенно менялся традиционный

⁶⁵ О завоевании шведами Юго-Западной Финляндии и противодействии этому Новгороду см. подробно: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестной агрессии ... С. 47–62.

⁶⁶ *Повесть временных лет / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва; под ред. В. П. Адриановой-Перетц.* СПб., 1999. С. 67.

⁶⁷ НПЛ. С. 38, 228.

уклад жизни, активно развернулась деятельность католической церкви, по сути возглавившей процесс колонизации⁶⁸.

Поэтому с началом продвижения Швеции на финскую территорию перед новгородцами встала задача сохранения здесь своих «владений». Кроме того, по-прежнему необходимо было обеспечить защиту торгового пути из Невы по Финскому заливу в Западную Европу, жизненно важного для всего Новгородского государства.

В середине — второй половине XII в. соперничающие стороны обменивались своеобразными «кинжальными» ударами, оставлявшими у них довольно глубокие раны. Наиболее крупными сражениями стали морской бой в Финском заливе (1142 г.), нападение шведов на Ладогу (1164 г.) и карел, принявших сторону новгородцев, на тогдашнюю столицу Швеции — Сиггуну (1187 г.).

В начале XIII в. карелы по-прежнему оставались верны Великому Новгороду. В противоположность этому емь была постоянным источником напряжения. Положение осложнилось после закрепления шведов на финском побережье, а также после походов сюда в конце XII в. датских рыцарей. Пытаясь удержать свое влияние, новгородцы вновь и вновь снаряжали экспедиции на емь как потенциально-го, а возможно и действительного союзника шведов. А в 1198 г. совершили и прямое нападение на владения Швеции в землях суми.

В Финляндской епископской хронике коротко сообщается, что «около Лета Господня 1198, говорят, что русские пожаром опустошили Або. Это произошло в праздник Пятидесятницы»⁶⁹. Удар был направлен, таким образом, на центр шведской колонии в Финляндии город Або (или его предшественник — Короис), в результате чего, по-видимому, погиб и сам духовный и светский глава колонии епископ Фольквин. Но шведская миссия устояла.

Что же касается новгородцев, то, видимо, они решили, что с северным врагом-соседом все покончено, и с начала XIII в. сосредоточили свои усилия на эстонском направлении — против немецких рыцарей.

А шведы, пережив тяжелые времена, начали потихоньку осваивать теперь уже и земли еще недавно подвластной Новгороду еми. Натиску способствовало прекращение многолетней междуусобной

⁶⁸ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии ... С. 35–36.

⁶⁹ Цит. по: Там же. С. 110.

борьбы в самой Швеции. В 1220 г. была организована экспедиция на западное побережье Эстонии. К этому времени получил назначение на епископскую кафедру Финляндии каноник Упсальского собора англичанин по происхождению Томас. Благодаря его действиям влияние Швеции в юго-западной части Финляндии постоянно росло. Это позволило создать предпосылки для дальнейшего проникновения в глубь финляндской территории. Так начался второй этап русско-шведской борьбы в этих землях, завершившийся сражением при устье Ижоры 1240 г.⁷⁰

Наступление, как и раньше, велось широко и основательно, с привлечением миссионеров, сумевших склонить значительную часть еми к принятию католичества. Результатом стала появившаяся отныне враждебность в отношениях этого племени и Новгорода⁷¹.

В ответ зимой 1227 г. новгородский князь Ярослав Всеволодович предпринял в земли отступников — еми глубокий рейд. Это было выдающееся предприятие: еще никогда русское войско не заходило так далеко. Сокращая путь, воины Ярослава пересекли по льду замерзший Финский залив и вторглись на территорию современной Финляндии. «Ходи [Ярослав] из Новагорода за море на емь, где же ни един от князь Русских не взможе бывати...». Результатом той войны стал захват бесчисленного «полона», пленных было столь много, что князь вынужден был отпустить часть из них на волю, а те, кто оказал особенно яростное сопротивление, были преданы смерти⁷².

Отпущенные восвояси, а также другие оставшиеся в живых не преминули отомстить. На удачный поход русских емь уже в следующем 1228 г. ответила контрударом. На сей раз представители этого племени грабили окрестности Ладоги. Однако емь была блокирована с воды, а потому ей пришлось, бросив лодки и истребив захваченных пленников, пробираться в родную землю лесом, где большинство из них погибло от рук союзных Руси ижорян и карелы⁷³. Таким образом, попытка взять реванш провалилась, однако она особенно ярко обозначила свершившийся факт: между русскими и емью появились непреодолимые противоречия.

⁷⁰ Там же. С. 129–131.

⁷¹ Там же. С. 132–133.

⁷² НПЛ. С. 64–65, 269–270; ПСРЛ. Т. I. Стб. 449 (под 1226 г.).

⁷³ НПЛ. С. 65, 270–271.

Отец Александра Невского понимал, что не допустить распространения влияния Швеции возможно лишь с помощью ответных мер и не только военного характера. Он особенно заботился о привлечении на свою сторону финских племен Приневья и Карелии. Его стараниями была значительно расширена деятельность миссионеров среди карел. Летопись даже сообщает, что этот народ был почти полностью обращен в православие: «Князь Ярослав Всеволодович пославъ крести множество корель, мало ни все люди»⁷⁴. Проникновение христианства в среде карел подтверждается археологическими материалами XIII–XIV вв.

После этого емь оказалась зажатой в тиски шведами и новгородцами. Настало время вновь выбирать между ними. Утвердив, насколько это было возможно, католичество в землях еми, шведы вслед за тем начали устанавливать и собственное политическое господство. Это привело к новому витку конфликта: емь вновь откололась от Швеции и вступила в союз с Новгородом. В 1230-е годы произошла вспышка антишведской борьбы, имеющей, в основном, проязыческую направленность. Успеху восставших способствовало и то, что союзники шведов немецкие рыцари в этот период также были ослаблены, потерпев поражение в 1236 г. от литвы⁷⁵.

Консолидировать силы для подавления выступления «тавастов» из всех сил старалась Римская курия. 9 декабря 1237 г. папа Григорий IX обратился к пастве со специальной буллой. В ней говорилось о мятеже племени емь против шведского господства. Тавастам, по словам понтифика, помогали их соседи — «враги креста» и «некоторые варвары»: карела и новгородцы⁷⁶. Начало восстания и «старания врагов креста» имели место около 1236–1237 гг.⁷⁷ Призыв папы к борьбе против непокорных значил очень много. Его следствием должна была стать организация крестового похода на земли Руси. Возможно, Александр Ярославич сумел оттянуть вступление в войну немецких рыцарей против «схизматиков» — союзников восстав-

⁷⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 449.

⁷⁵ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии ... С. 139–140.

⁷⁶ Там же. С. 141, 143; Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. С. 21–22.

⁷⁷ Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. С. 22.

шей еми — с помощью проявленной им дипломатической гибкости, во время визита Андрияша — Андреаса фон Вельвена перед столкновением Ордена с литвой, в котором участвовали и псковичи⁷⁸.

Шведы, вне всяких сомнений, понимали, что за мятежом еми стоят их враги — новгородцы, потому-то они и готовили новую военную операцию. В центре последующих событий суждено было оказаться уже сыну Ярослава Всеволодовичу — молодому новгородскому князю Александру.

Детали дальнейших коллизий далеко не полностью ясны. Остается очень много загадок, которые порождают полемику. Но в любом случае для шведов особенно было важно отрезать от моря Новгород, ослабив его; и лишить тем самым поддержки емь и карелу. В современной отечественной историографии утвердился взгляд на следующую за этими событиями Невскую битву как на важное звено экспансии шведов в Финляндии и на восточных берегах Балтики⁷⁹. Связь Невской битвы с борьбой за влияние на финские племена видят Д. Г. Линд и Дж. Феннел, хотя значение сражения в целом они склонны приуменьшать⁸⁰. И. Н. Данилевский вообще считает поход шведов всего лишь «партизанским рейдом», а потому ему представляется неверным употребление термина «битва» по отношению к конфликту 1240 г.⁸¹ Однако экспедиция в новгородские земли была основательно подготовлена. И. П. Шаскольский полагает, что сна-

⁷⁸ Там же. С. 23.

⁷⁹ Кирпичников А. Н. 1) Невская битва 1240 г. и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 24; 2) Две великие битвы Александра Невского // Александр Невский и история России: материалы науч.-практ. конф. 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1996. С. 31; Лебедев Г. С. Крестовые походы шведов в Финляндию, Ингрию и Карелию — глава предыстории Петербурга // Князь Александр Невский: материалы науч.-практ. конф. 1989 и 1994 гг. / отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 57; Шаскольский И. П. 1) Сражение на Неве (к 750-летию) // Там же. С. 62; 2) Невская битва 1240 г. в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 16.

⁸⁰ Линд Д. Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 52; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989. С. 143.

⁸¹ Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000. С. 187, 188.

ряжение ее продолжалось два года⁸², кроме того, поход возглавил ярл — второе лицо в государстве после короля⁸³.

Нужно обратить внимание на летописное сообщение о том, что вместе со «свеями», были и «мурмане» (норвежцы), а также представители племен сумь и емь⁸⁴ (вокруг этого известия развернулась дискуссия⁸⁵, но игнорировать эти источники невозможно). Совершенно очевидным и полностью доказанным нужно признать согласованность вторжения в незатронутые монгольским разорением земли Великого Новгорода, с одной стороны, шведов и, с другой, немецких рыцарей⁸⁶. Католический Запад решил отбросить на время дипломатию и попытаться, используя ослабление Руси, решить проблему силой — двумя одновременными ударами. И. П. Шаскольский указывал на то, что по своим масштабам это было самое крупное наступление с Запада за весь период раздробленности на Руси⁸⁷. Сила духа русских ратников и полководческий гений Александра Невского не позволили реализовать этот план, нарушив его в самом начале. Смелый и решительный удар Ярославича и его воинов вывел из игры одного агрессора, но не отрезвил другого, пыл которого охладила лишь студеная вода Чудского озера.

Впрочем, победа на Неве вовсе не означала, что на планах шведской экспансии поставлен крест. Однако теперь Швеция проводила более осторожную политику, и даже, вторгаясь в чужие пределы, действовала намного осмотрительнее.

В 1249 г. Биргер организовал поход в Тавистию против еми, которая была окончательно подчинена. Нельзя не согласиться с мнением, что выполнение шведами этой задачи облегчило отсутствие Александра Невского, уехавшего еще в 1247 г. в Монголию⁸⁸.

В 1252 г. Александр получил Владимир, но внешнеполитическим

⁸² Шаскольский И. П. 1) Сражение на Неве (к 750-летию). С. 63; 2) Невская битва 1240 г. в свете данных современной науки. С. 17.

⁸³ Шишов А. В. 1) Полководческое искусство князя Александра Невского в Невской битве // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 32; 2) Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999. С. 117.

⁸⁴ НПЛ. С. 77.

⁸⁵ См.: Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский. Эпоха и память: исторические очерки. СПб., 2009. С. 73, 74.

⁸⁶ См.: Там же. С. 88, 89.

⁸⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 195.

⁸⁸ Там же. С. 206.

проблемам Великого Новгорода он по-прежнему уделял особенное внимание.

В 1256 г. Биргер попытался совершить захват уже в непосредственно подчиненной Новгороду земле, построив крепость в устье Наровы. Он действовал в союзе с местным феодалом Дитрихом фон Кивелем (Дидманом — в русских источниках). Опираясь на эту твердыню, можно было со временем развить успех, подчинив земли води, ижоры и карелы.

Предоставим слово летописи: «Придоша свеи, и емь, и сумь, и Дидман съ своею волостью и множество и начаша чинити городъ на Нарове»⁸⁹. Высадившись в устье реки, захватчики начали строить крепость, вероятно, рассчитывая обосноваться здесь прочно. Но не получилось и на этот раз. Новгородцы отреагировали мгновенно, послав «в Низ к князю (Александру. — Ю. К., Р. С.) по полку, а сами по своей волости рослаша». До столкновения дело не дошло, ибо шведы «Услышавше (о приходе князя. — Ю. К., Р. С.), побегоша за море»⁹⁰.

Возникает вопрос, на что могли рассчитывать шведы, если одно известие о приближении войска Ярославича настолько испугало их, что они вынуждены были бежать, не дожидаясь худшего для себя исхода? Ответ может быть однозначным: они делали ставку на внутренние неурядицы на Руси, на противоречия, существовавшие между Новгородом и Александром, тем более, что лишь за год до этого из города был изгнан старший сын Ярославича Василий. Однако расчет этот совершенно не оправдался.

Князь сразу же откликнулся на просьбу о помощи, собрал войско и в сопровождении митрополита выступил в путь к берегам Волхова. Только встретил Александра Ярославича «с радостью великой» шумный и многолюдный вечевой Новгород, как скорый на самые неожиданные решения князь (за что, видимо, и любили Александра строптивые новгородцы, несмотря на его стремление к «самовластью») снова не медля «пойде... на путь, и новгородцы не ведяху, где князь идет», т. е. до времени конечную цель похода Ярославич никому не открывал. Вместе с полками находился митрополит, что было, разумеется, не рядовым явлением.

⁸⁹ НПЛ. С. 81, 308.

⁹⁰ Там же. С. 81, 308–309.

Александр хорошо понимал, что просто изгнать шведов недостаточно. Они постоянно ждали момента, когда Новгород будет ослаблен, для того чтобы воспользоваться этим и отрезать часть стратегически важной территории, с которой впоследствии можно было бы нанести решающий удар. Невская битва отрезвила врага, но теперь необходимо было сделать что-то еще, нечто такое, что вновь заставило бы захватчиков отказаться от нападений на Русь. Потому князь разработал четкий план: двинуться на землю племени емь, на территорию современной Финляндии. Соблюдая секретность и не желая заранее беспокоить людей, он никому не сообщил об этом. Когда войско дошло до Копорья, Ярославич раскрыл конечную цель экспедиции⁹¹. Путь предстоял немислимый по трудности даже для видавших виды новгородцев: зимой, по заснеженному льду Финского залива и далее, далее к северу. Некоторые из ратников дрогнули и предпочли вернуться домой.

Но большая часть войска осталась с Александром. С ними Ярославич и совершил дерзкий поход через замерзший Финский залив в подконтрольные шведам земли: «...и бысть золь путь, акыже не видали ни дни, ни ночи; и многим шестником бысть пагуба, а новгородцев бог сблюде. И приде на землю Емьскую, овых избиша, а других изымаша; и придоша новгородци с князем Олександромъ вси здорови»⁹².

Каковы же итоги этого не совсем обычного военного предприятия? Вернуть емь под опеку Новгорода Александру не удалось: шведская экспансия зашла слишком далеко. Но это вовсе не означает, что поход 1256 г. не имел смысла в долгосрочной перспективе: как верно заметил Дж. Феннел, «даже если этот поход не достиг тех целей, ради которых он был предпринят, то по крайней мере он отбил у шведов охоту совершать набеги на русскую территорию еще на четверть столетия»⁹³.

Возможно, Александр в 1256 г. не ограничился походом только на территорию центральной Финляндии, а продвинулся гораздо севернее. Это могло быть связано с договоренностями между Новгородом

---

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 81, 309.

⁹³ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. С. 155.

и Норвегией, достигнутыми в первой половине 50-х годов XIII в., о сборе ими дани с одной и той же территории.

С этой страной у Новгорода имелось гораздо меньше противоречий, чем со Швецией. Но с течением времени некоторое пересечение взаимных интересов наметилось и в отношениях с ней. На севере, на землях, примыкающих к Полярному кругу, происходили столкновения норвежских сборщиков дани и подвластной Новгороду карелы.

Первые поводы для взаимных претензий появились очень давно, связаны они были с набегами норвежцев на проникавших в северные районы Фенноскандии карел⁹⁴. Но это были единичные разбойничьи рейды; они не вызывали до времени чрезмерного беспокойства ни у одной из сторон, так как не имели систематического характера.

С начала XIII в. ситуация меняется, и в распоряжении исследователей оказываются данные о том, что норвежские и новгородские устремления столкнулись по-настоящему, причем на сей раз причиной для вражды стала территория, вернее даже не сама территория, а право сбора дани с нее. К 1200 г. относится сообщение о том, что норвежцы вынуждены были держать на востоке Халоголанда (самая северная провинция в средневековой Норвегии) морскую стражу. С туземным населением (саамами, норвежцы называли их «финнами») в тот период были мирные отношения, и военные приготовления могли быть направлены только против новгородцев⁹⁵.

Как раз в этот период русские осваивали пространства Кольского полуострова (Терского берега), где главной их целью был именно сбор дани. Под 1216 г. летопись среди погибших в Липицкой битве упоминает некоего Семена Петриловича «терьскаго даньника», а в договоре Ярослава Ярославовича с Новгородом волость «Тре» (все тот же Терский берег) названа среди владений Волховской столицы⁹⁶.

С течением времени конфликт нарастал. Карелы, подчиненные Новгороду и проводившие его политику на Северо-Западе, совершали

⁹⁴ Джаксон Т. Н. Александр Невский и Хакон Старый: обмен посольствами // Князь Александр Невский и его эпоха: С. 135.

⁹⁵ Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 39.

⁹⁶ Договорная грамота Новгорода с Тверским князем Ярославом Ярославичем // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949; НПЛ. С. 57. В списках Младшего извода Новгородской Первой летописи имеется упоминание «терьскаго даньника», но при этом он не назван по имени (НПЛ. С. 257).

нападения и на саамов, и на уполномоченных норвежскими властями сборщиков податей; к карелам иногда присоединялись и сами новгородцы⁹⁷.

Однако преувеличивать степень этого противостояния не стоит: в сороковые годы XIII в. оно хотя и развилось до определенных пределов, но и не могло «иметь большого значения для всей системы внешних отношений огромного Новгородского государства»⁹⁸. И все же Александр Невский понимал, что рано или поздно развитие событий может привести к крупному столкновению: колонизаторская деятельность в земле саамов была одним из направлений внешней политики волховской метрополии⁹⁹. В перспективе это могло бы означать появление на северных рубежах еще одного, помимо Швеции, враждебно настроенного соседа. Чтобы не допустить подобного развития ситуации, князь решил предпринять попытку уладить дело миром с помощью определения сфер влияния путем переговоров. Это же позволяло в случае успеха обеспечить невмешательство Норвегии в перманентный конфликт Руси со шведами, ведь как раз в этот период дочь Биргера вышла замуж за сына Хакона Норвежского. Таким образом, Ярославич по сути старался «не только упорядочить пограничье, но и установить русско-норвежский союз в противовес союзу шведско-норвежскому»¹⁰⁰.

Как сообщает написанная по свежим следам, около 1265 г., исландцем Стурлой Тордарсоном «Сага о Хаконе, сыне Хакона», переговоры начались в 1251 г. «Той зимой, когда конунг Хакон сидел в Трандхейме, прибыли с востока из Гардарики послы конунга Александра из Хольмгарда (Новгорода. — Ю. К., Р. С.). Звался Микьял и был рыцарем тот, кто предводительствовал ими. Жаловались они на то, что нападали друг на друга управляющие конунга Хакона на севере в Марке (правильно — Финнмарк, территория на севере Скандинавского полуострова. — Ю. К., Р. С.) и восточные кирьялы, те, что были обязаны данью конунгу Хольмгардов, так как они по-

⁹⁷ Шаскольский И. П. Посольство Александра Невского в Норвегию // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 114.

⁹⁸ Там же. С. 115.

⁹⁹ Шаскольский И. П. Внешняя политика Новгородского государства в XIII в. (Основные направления) // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва 19–22 апреля 1988 г.: Тезисы докладов. М., 1988. С. 116.

¹⁰⁰ Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1975. С. 122.

стоянно вели войну с грабежами и убийствами. Были там назначенные встречи и было принято решение, как этому положить конец»¹⁰¹.

Как видно из приведенного выше текста, возглавлял посольство Александра Ярославича некий рыцарь («*riddari*») Михаил. И. П. Шаскольский предположил, что им мог быть происходивший из Ладого Михаил Федорович (посадник в 1257–1268 гг.). Основанием для такого вывода послужило то, что Ладога — самый северный пригород Новгорода и, учитывая это, князь остановил свой выбор именно на выходе из этой земли, так как считал его за «человека, лучше других знакомого со сложными отношениями Крайнего Севера»¹⁰². Представляется все же, что факт длительного проживания в Ладого вовсе не гарантировал знания проблем Севера. К тому же более логично было бы возглавить посольство человеку, который доказал свою выдержку и храбрость. На наш взгляд, наиболее близко к истине предположение Т. Н. Джаксон, согласно которому в этом случае имеется в виду другой Михаил — Миша, участник Невской битвы, рассказ о подвигах которого содержится в Житии Александра Невского¹⁰³.

У послов было еще одно очень деликатное поручение. Они должны были прозондировать почву относительно возможности сватовства сына Александра Василия к дочери Хакона Кристине: «Было им также поручено, чтобы они повидали госпожу Кристин, дочь конунга Хакона, так как конунг Хольмгардов так повелел им, чтобы они спросили конунга Хакона, не отдаст ли он ту госпожу сыну конунга Александра». Причин для этого могло быть несколько, прежде всего это надежды на более легкий ход переговоров и на большую крепость союза в случае, если о его заключении удалось бы договориться.

Летом того же года договор был закреплен; в Новгород, в свою очередь, пришли посланники норвежского короля. «Конунг Хакон принял такое решение, что послал он весной людей из Трандхейма,

¹⁰¹ Здесь и далее текст саги приводится по изданию: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). Тексты. Переводы. Комментарии. М., 2000. С. 203.

¹⁰² Шаскольский И. П. Посольство Александра Невского в Норвегию. С. 114, прим. 1.

¹⁰³ Джаксон Т. Н. Александр Невский и Хакон Старый: обмен посольствами. С. 135–136.

и отправились они на восток в Хольмгард вместе с послами конунга Александра. Возглавлял ту поездку Виглейк, сын священника, и Боргар. Отправились они в Бьергюн и так по восточному пути. Прибыли они летом в Хольмгард, принял их конунг хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, что не должны были воевать друг с другом ни кирьялы, ни финны (саамы. — Ю. К., Р. С.); но продержалось это соглашение с тех пор недолго. В то время было большое немирье в Хольмгарде. Пришли татары на государство конунга Хольмгардов, и по этой причине больше не занимались тем сватовством, которое велел начать конунг Хольмгарда. И когда они выполнили свои поручения, отправились они назад с востока с достойными дарами, которые конунг Хольмгарда посылал конунгу Хакону. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике».

Переговоры шли не гладко: у каждой из сторон имелись собственные интересы. Норвегия стремилась зафиксировать право на сбор дани на подконтрольной ей территории как с саамов, так и с карел. Новгород первоначально не соглашался на какие-либо выплаты последних «на сторону». В итоге удалось выработать компромисс: норвежцы, согласно договоренностям, могли получать подати с саамов и «нолукарел» — лиц, матери которых были выходцами из саамов¹⁰⁴.

Достигнутое соглашение зафиксировали письменно (кстати, это, видимо, первый письменный договор между норвежцами и русскими). Здесь речь идет о «Разграничительной грамоте», устанавливавшей территории по сбору дани в пользу Новгорода, включавшие почти весь Кольский полуостров и области в Северной Норвегии. Текст этого документа дошел до нас в позднейшем списке, появление которого связано с другим новгородско-норвежским соглашением, относящимся к 1326 г. и выработанным на основе старого договора¹⁰⁵.

Итогом посольств, переговоров и, наконец, самого договора ста-

¹⁰⁴ Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. С. 59.

¹⁰⁵ См. подробно: Там же. С. 38–61. В науке существует точка зрения, согласно которой «Разграничительная грамота» не имеет прямого отношения к переговорам, инициированным Александром Невским, и в соответствии с этим документ датируется более поздним временем (см.: Линд Дж. Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские переговоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. № 6. (16). СПб., 1997; Джексон Т. Н. Еще раз о датировке «Разграничительной грамоты» // Восточная Европа в древности и средневековье).

до установление мира. Он не был окончательным, в последней трети XIII в. набеги карел на норвежские «зоны влияния» возобновились, но на некоторое время регион все же обрел стабильность. Да и в последующее время стороны нашли возможность договориться друг с другом, и вновь достичь соглашения в 1326 г., причем, подчеркнем еще раз, на основе status quo 1251 г.

Александр Невский показал себя как правитель, умеющий мыслить на несколько ходов вперед, масштабно. Его преемники не особенно обращали внимание на то, что происходит в столь отдаленном регионе, как Терский берег, во всяком случае, об урегулировании отношений с Норвегией они не думали, и Ярославич в этом смысле выгодно отличался от прочих князей.

Заканчивая обзор военно-дипломатической деятельности князя на Северо-Западе, приведем слова И. П. Шаскольского: «К 1251 г. Александр Невский упрочил и укрепил границы государства с тремя главными западными соседями — Швецией, Германией и Литвой. Необходимо было закрепить отношения с четвертым соседом — Норвегией, и тогда Русь могла быть спокойной за всю свою западную границу». «Именно здесь Александр показал себя подлинно великим государственным деятелем, заботившимся не только о повседневных делах, но и об интересах всей страны в целом и о перспективах внешней политики русского государства»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Шаскольский И. П. Посольство Александра Невского в Норвегию. С. 116.